
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «АРЗАМАССКИЕ» ПИСЬМА Д. Н. БЛУДОВА К В. А. ЖУКОВСКОМУ (1815—1817)

*Вступительная статья и примечания С. В. Березкиной
Подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой**

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) в последнее тридцатилетие становился героем или, по крайней мере, значимым персонажем многих научных работ, в том числе диссертационных, связанных с его многообразной служебной деятельностью и широчайшим спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен.¹ Для историков литературы фигура Блудова интересна, в первую очередь, как члена «Общества безвестных людей» «Арзамас» (1815—1818), в котором он был наречен Кассандрой (по одноименной балладе В. А. Жуковского 1809 года).² В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами (изданием в 1828 году посмерт-

* Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

¹ См., например: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006; *Ружицкая И. В.* 1) Просвещенная бюрократия (1800—1860-е гг.) / ИРИ РАН. М., 2009. С. 108—156; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / ИРИ РАН. М.; СПб., 2015. По указ.; 3) Государственный совет при Николае I: Особенности функционирования / ИРИ РАН. М.; СПб., 2018. По указ.

² См.: Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933; «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осповата. М., 1994. По указ.; *Майофис М. Л.* Возвращение к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 348—365, 479—486, 737—741 и др.

ного тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также статьи по секретным материалам Государственного архива, опубликованные после смерти Блудова).³ Большой интерес для историков литературы имеют его работы, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

По позднейшему признанию Блудова, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он не решился войти.⁴ Письма Блудова, публиковавшиеся на страницах журналов с 1860-х годов, показывают особую роль Жуковского в его дружеском окружении. Именно ему он охотно писал о своих «литературных мечтаниях», как, например, в письме от 15 августа 1802 года, перед отъездом из Москвы в Петербург, вызванным перемещением его по службе в Коллегии иностранных дел: «...я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов».⁵ Среди писем Блудова к Жуковскому не опубликованными до сих пор оказались те, которые охватывают период с 1801 по 1817 год. В их составе есть несколько писем, имеющих большой биографический и историко-литературный интерес, причем в отношении как Блудова, так и Жуковского. Творческие замыслы молодого, даже, можно сказать, юного, Блудова были связаны с театром, и он не только сообщал о них в своих письмах, но и предлагал Жуковскому для отзыва написанные им тексты.⁶ Мнение Жуковского, по-видимому, сыграло свою роль в решении Блудова отказаться от драматургического поприща, принятом им в 1803 году. Неопубликованные письма Блудова содержат многочисленные свидетельства об истории произведений Жуковского; так, в них сохранилось поистине уникальное, поскольку оно является единственным, эпистолярное свидетельство о работе поэта в 1802 году над переводом либретто оратории Й. Гайдна «Времена года».

Четыре письма Блудова 1815—1817 годов к Жуковскому связаны с «Арзамасом».⁷ Открывающая нашу публикацию записка — это всего

³ См.: Песков А. М. Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 283—284.

⁴ Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 254.

⁵ РО ИРЛИ, № 21823, л. 4 об.; архивная единица включает 29 писем за 1801—1817 гг. (одно из них из-за выцветших чернил и синей глянцево́й бумаги не читается).

⁶ См.: Березкина С. В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова: (По неопубликованным письмам В. А. Жуковскому 1802—1804 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 479. Июнь. С. 41—50.

⁷ О плодотворных усилиях по восполнению истории «Арзамаса» на основании новых архивных находок свидетельствует ряд современных работ, напри-

лишь краткое свидетельство об одном эпизоде светской жизни Блудова и Жуковского, но запечатленное «арзамасским» именем автора, позволяющим, что немаловажно, определить дату ее написания.

Три письма 1817 года дают целый ряд новых сведений из истории «Арзамаса». Прежде всего, это письмо Блудова от 1 мая, которое представляет собой остроумнейший образец изложения событий, разворачивающихся в кругу «арзамасцев». В нем идет речь об Александре Ивановиче Мещёвском (ок. 1792 — ок. 1820), воспитаннике московского университетского благородного пансиона, где высоко ценилось его поэтическое дарование. В 1812 году Мещёвский поступил на военную службу юнкером, однако вскоре оставил свой полк, за что в 1814-м как дезертир был сослан в Оренбургский гарнизонный полк без права выслуги. В Оренбурге он жил в бедности, зарабатывая уроками, и умер от чахотки.⁸ Известно четырнадцать писем Жуковского за октябрь 1816 — апрель 1817 годов к А. П. Елагиной, А. И. Тургеневу Д. Н. Блудову и П. А. Вяземскому, в которых он говорит о помощи Мещёвскому.⁹ Лейтмотивом этих писем было недовольство равнодушием друзей-«арзамасцев» к участи бедствующего поэта и их медлительностью в оказании ему поддержки. Письмо Блудова от 1 мая 1817 года дает повествование в «истинно-арзамасском» духе о тех сложностях, которое встретило начинание Жуковского в кругу «арзамасцев». Успешное разрешение этого начинания, возложенного им на Блудова, было связано с заседанием «Арзамаса» 29 апреля, о котором, помимо данного письма, нет иных документальных свидетельств, хотя именно в этот день заслушивалось членами общества обращение к ним Жуковского, известное под названием «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание».¹⁰ Письмо Блудова, полное юмористических подробностей о заседании «арзамасцев» и их восприятии «всепокорнейшего завывания» секретаря Светланы (то есть самого Жуковского), можно рассматривать как своего рода набросок ненаписанного «арзамасского» протокола.

Письма Блудова от 10 октября и 29 ноября включают в себя фрагменты, написанные в «арзамасском» духе. Они адресовались Жуковскому

мер: Литературное общество «Арзамас»: История и современность. Арзамас; Нижний Новгород, 2015; Панов С. И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1—2. С. 179—198.

⁸ См.: Зыкова Г. В. Мещёвский Александр Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Т. 4. С. 37—38.

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2018. Т. 15. С. 501, 509, 516, 520—522, 525—526, 531—536, 538—539. Последние упоминания о Мещёвском обнаруживаются в письмах Жуковского к Вяземскому и Тургеневу в апреле 1818 г., в которых он благодарил их за денежную помощь ему (Там же. Т. 16. С. 14, 16—17).

¹⁰ См.: Там же. Т. 11 (1). С. 52—53.

в Москву и говорили о крепости уз между «арзамасцами» петербургскими и московскими, «избранными» и «природными».

Письма Блудова к Жуковскому за 1801—1817 годы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, № 21823; в настоящей статье публикуются л. 36, 28—30 об., 31—31 об., 32—33. Публикации, позволяющие восстановить двустороннюю переписку корреспондентов, дают значительный объем новых сведений биографического характера. Свидетельством тому являются, в частности, публикуемые ниже письма Блудова.

1.

Ноябрь 1815 — март 1816. Петербург.

Я приходил сказать тебе, что дал за тебя и себя слово обедать завтра у графа С. П. Румянцева; а сегодня не хочешь ли обедать у меня. Если хочешь, то приходи в п<ятом> часу, не позднее.

Твой Д. Блудов Кассандра

Записка датируется временем после создания «Арзамаса». Можно предположить, что она относится к ноябрю 1815 г. — марту 1816 г. (до отъезда Жуковского в Дерпт), когда все, что было связано с «Арзамасом», в том числе прозвище «Кассандра», поставленное Блудовым в конце записки, было для него ново.

В записке речь идет о приглашении к графу Сергею Петровичу Румянцеву (1755—1838), дипломату, историку. В конце весны 1816 г. Румянцева посетил Жуковский в Дерпте. 4 июня 1816 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Через Дерпт проехал граф Сергей Петр<ович> Румянцева. Он был у меня, потом я просидел у него целый вечер с Моргеншерном и Парротом (профессорами Дерптского университета. — С. Б.). Мы много говорили о нашем Николае М<ихайловиче> (Карамзине. — С. Б.), которому он кланяется» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2015. Т. 15. С. 489*). В январе 1818 г. Жуковский послал С. П. Румянцеву первый выпуск сборника «Для немногих» с письмом к А. И. Тургеневу, где писал: «...право, имею к нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мне дружеском расположении» (Там же. Т. 16. С. 8; см. также упоминание о Румянцеве в письме к Тургеневу от 11 февраля 1823 г., подразумевающее встречи с ним в Петербурге: Там же. С. 179). В июне 1827 г. Жуковский посетил С. П. Румянцева в Париже (Там же. Т. 13. С. 268, 556). Сообщение в записке Блудова является самым ранним свидетельством знакомства с ним Жуковского.

На обороте письма запись Жуковского о трех французских изданиях: «Les Enfants par P. Guizot née Meulan», «Le livret des Etrences de Cadmus», «Le Berquin anglais par Bertin». Имеется в виду, во-первых, вышед-

ший в 1812 г. сборник сказок «Дети» французской писательницы и автора педагогических сочинений Полины Гизо (Guizot, 1773—1827), уродд. де Мелан (об интересе к ее творчеству см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10 (2). С. 608), во-вторых, «Книга подарков Кадмия» для обучения детей чтению (Кадм, или Кадмий (Cadmus), — персонаж греческой мифологии, которому приписывают изобретение греческого алфавита), в-третьих, «английский Беркен в изложении Бертена», т. е. вышедшее в 1803 г. четырехтомное издание «Le nouvel ami des enfants, ou le Berquin anglais par Thomas Day et autres écrivains distingués. Traduction de l'anglais de T.-P. Bertin» («Новый друг детей, или Английский Беркен, написанный Томасом Деем и другими знаменитыми писателями. Переведено с английского Т.-П. Бертеном»). А. Беркен (Berquin, 1749—1791) — французский писатель, драматург, педагог. Его книга «Друг детей» («L'ami des enfants», 1782—1783; рус. пер. 1799) — сборник детских рассказов — была удостоена премии Парижской академии. Издание, названное Жуковским, — французский перевод сочинения английского писателя, аболициониста, педагога Т. Дея (Day, 1748—1789) и других авторов. В эпистолярно-творческих текстах и дневниковых записях Жуковского следов интереса к этим трем французским изданиям не обнаружено.

На обороте письма Жуковский сделал также запись дневникового характера: «К Плещеевой / К Румянцеву / Послать за посылкой / К Елиз^{авете} Марк^{овне} / К Кубе <ниже:> Посылка / К Тургеневу / Деньги С. Флорану / К Кубе / Оленину <?> о долге». В записи упоминаются: Н. Ф. Плещеева (1768—1855), уродд. Веригина, впоследствии близкая приятельница Жуковского (по-видимому, это первое упоминание о ней в письмах поэта), гр. С. П. Румянцев, Е. М. Оленина (1768—1838), уродд. Полторацкая, жена упоминаемого ниже А. Н. Оленина (1763—1843), директора Имп. Публичной библиотеки, Л. И. Кубе (1785—1855), впоследствии лифляндский генерал-губернатор (первое свидетельство о знакомстве с ним Жуковского, причем еще в Петербурге), А. И. Тургенев, наконец, петербургский книгопродавец Ф. Сен-Флоран (первое свидетельство о контактах с ним Жуковского). О какой посылке, а также о каком долге Жуковского Оленину идет речь в записке, неизвестно.

2.

1 мая 1817. Петербург.

СПБ. 1-е мая 1817-го года

Любезный, сердечный и добрый баловень Арзамаса, пишу к тебе немного строчек, потому что, к сердечной радости, узнал о твоём намерении быть к нам. Приезжай, друг, приезжай и не забудь, что ты дал мне слово не тесниться у Эоловой арфы, а жить на

просторе у Кассандры.¹ Приезжай скорее и не сердись; во-первых, потому что на друзей никогда сердиться не должно; во-вторых, и потому что сердиться, по крайней мере на них, тебе не за что. Твое поручение в рассуждении Мещевского² давно с моей стороны исполнено: я как скоро получил твое письмо, то вздумал печатать его «Наталью»,³ но мы были больны оба, т. е. Кавелин и я, а в переписке не умели объясниться. Когда я выздоровел, то проехал к нему и на первое предложение получил ответ, что в его типографии печатать нельзя,⁴ не только «Наталью», но и твои «12 спящих дев», зане де сия типография занята Столетним Вестником и другими отличными произведениями в сем роде.⁵ Что же мне оставалось делать? Печатать в другой типографии? Кроме того, что это станет гораздо дороже, нежели ты полагал, для этого нужно более тех денег, нежели сколько их было у меня одного. Итак, я решился пригласить на *помощь* других арзамасцев. Эти другие арзамасцы объявили, и все единогласно, что они рады давать деньги, но только бедным людям, а не богатым типографщикам; что если напечатать печатью, то Арзамас пожертвует несколькими сотнями рублей, а Мещевский едва ли получит несколько копеек; потому что его «Натальи» покупать не будут. Одним словом, что лучше просто собрать деньги и отправить их в Оренбург или к тебе. Я представляю арзамасцам, что ты желал сделать несчастному Мещевскому не только пособие деньгами, а сверх того еще одобрение в трудах литературных, и что для этого ты хотел, чтобы он получил не подарок, а плату за сочинение. Но арзамасцы стояли крепко в своем мнении и наконец поручили Арфе уведомить тебя и просить твоего согласия.⁶ Не знаю, что сделала Арфа; только мы не очень давно получили твое соборное послание. Оно еще недель пять валялось в кармане Арфы. Наконец, третьего дня (только и не прежде) сообщено *Собранию*.⁷ В нем нет никакого согласия и никакого совета; но есть твоя обыкновенная бесценная галиматзя. Все помирили со смеху, а смех расположил к жалости. Кассандра этим воспользовалась и сделала следующее предложение. Дадим денег Мещевскому, не оскорбляя его самолюбия, то есть уверим его, что «Наталья» куплена каким-то книгопродавцем, или кем хотите, будет напечатана когда-нибудь, сумму, нужную для напечатания, перешлем через Светлану к нему. Сказано, сделано: все согласились, к счастью Мещевского; я забыл привезти с собою твой расчет⁸ и вместо 350 рублей, коих ты требовал, мы собрали 650 рублей, разумеется, полагая в то число твои 50 рублей, *Двух Рук* и *Асмодеевы*.⁹ хотя признаюсь, с него грех брать 50 рублей. Нам сказывал Жихарев, что Асмодей послал уж к Мещевскому и не 50, а 500 рублей.¹⁰ Впрочем, воля твоя

и его: во всяком случае верных 600, а собранных 350, именно от Арфы, Варвика, Пустынника, Чу!, Кассандры, Громобоя и Рейна. Не заплатили еще Резвый Кот, Старушка, Ивиков Журавль, Две огромных руки и сам ты, бессменный Секретарь!¹¹ Собранные деньги я хотел сегодня к тебе отправить, но вчера узнал, что ты к нам будешь. За тем останавливаю их здесь, а может быть, к твоему приезду соберу и последние со здешних членов. Надеюсь, что тебя привлекают сюда из Дерпта не неприятности. От Тургенева я не добился толку. Прости, друг любезный, прости до свидания. Сердись на меня или нет, а все по-прежнему твой и навсегда

Б<лудов>.

¹ Ответа на это письмо Блудова не было, поскольку 2 мая Жуковский уже выехал из Дерпта в Петербург (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 543). В мае—сентябре 1817 г. Жуковский жил, как и предлагал Блудов, в его доме («у Кассандры») на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (см.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 97; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 952). Сначала, впрочем, он остановился в мае 1817 г. на квартире А. И. Тургенева (Эоловой арфы, как он назван в письме), в обыкновенном своем пристанище в Петербурге, но затем перебрался к Блудову.

² Об Александре Ивановиче Мещёвском и письмах о нем Жуковского см. во вступ. статье, а также примеч. 8—9 к ней.

³ Блудов имеет в виду письмо Жуковского, датированное предположительно серединой января 1817 г. В нем Жуковский сообщал о своем плане помощи Мещёвскому посредством издания его поэмы «Наталья боярская дочь»: «Я послал к Кавелину рукопись “Натальи”, поэмы Мещёвского <...> дело о помощи и нравственной, и материальной бедному несчастливцу, который имеет дарование и может быть со временем и поэтом, и человеком, если только несчастье не убьет его, а просто поучит. Чтобы оно не было убийцею, а учителем — это забота “Арзамаса”. “Наталья” посвящена Карамзину: хорошее знаменование для судьбы автора (посвящение в издании было снято. — С. Б.). <...> Вот что предписываю Кассандре: для напечатания “Натальи” нужны деньги, и вот сколько: (далее следуют расчеты на издание и итог в рублях. — С. Б.) 467. Эти деньги надобно собрать с арзамасцев, с некоторых (Вяземский, я, два Тургеневы, Уваров, ты) не надобно делать сбор в полном “Арзамасе”, дабы никого не принуждать; а тем, кого ты выберешь кроме назначенных (ибо эти не должны отказаться), сказать келейно, взять с них деньги и передать Кавелину — его вклад будет состоять в заботе о напечатании. За Вяземского и за меня заплати ты: я бы послал сию же минуту, но у меня нет гроша (думаю, что и Северин не откажет, и Дашков — но об этом переговори с ними сам). На первый случай довольно 360, итак, по 60 рублей, а если пристанут Дашков и Северин, по 50 с брата. Твое дело собрать

деньги, передать их Кавелину...» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 521).

⁴ Речь идет о Медицинской типографии, которая находилась под началом Д. А. Кавелина (Пустынника).

⁵ Отказ Кавелина в печатании поэмы Мещёвского был связан не с какими-то сложностями в работе Медицинской типографии, которая печатала разнообразнейшие по тематике издания. В ней были выпущены и первое издание стихотворений Жуковского (1815—1816), и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (1815—1817. Ч. 1—6). Уверение Кавелина в невозможности печатания в Медицинской типографии «Двенадцати спящих дев» Жуковского также не соответствовало действительности, поскольку именно в ней и появилось в 1817 г. первое полное издание этой баллады. Ссылка Пустынника на то, что «типография занята Столетним Вестником», подразумевает, по-видимому, журнал «Чтение в Беседе любителей русского слова», последний выпуск которого вышел в 1816 г. Кавелин мог исходить из понимания заведомой неудачи издания поэмы Мещёвского, и его мнение отражено в письме Блудова как уверенность «арзамасцев» в том, что ее «покупать не будут». Повесть в стихах «Наталья боярская дочь» (подпись: А. М.) вышла в Морской типографии в 1817 г. (ценз. разр. 24 августа 1817 г.). По-видимому, работа по изданию «Натали» была энергично продвинута вперед после приезда в Петербург Жуковского в мае 1817 г.

⁶ После писем Жуковского, где он писал Тургеневу о своем плане издания поэмы Мещёвского в середине января 1817 г. («Мещёвский должен быть приемышем “Арзамаса”. Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою <...>. Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека». — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 522) и затем около 18 февраля 1817 года (с возмущением о его молчании — Там же. С. 532—533), был наконец получен от Тургенева ответ (в печати неизвестен). Жуковский с неодобрением отнесся к тому, что предлагал Тургенев относительно помощи Мещёвскому (в письме от 1 мая 1817 г. об этом предложении Жуковскому напомнил и Блудов). Жуковский писал 24 февраля 1817 года Тургеневу, нехотя соглашаясь с ним: «Вы собираетесь сделать сбор для напечатания Мещёвского поэмы <...> Послать эти деньги Мещёвскому и поэму продать — это скорее и менее хлопот. Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет “Арзамаса”, 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр, остальные 300 продать рубля по два гуртом в лавку: вышло бы 2 000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте, как сами рассудите, только сделайте, и поскорее» (Там же. С. 534).

⁷ «Соборным посланием» Жуковского Блудов называет его «В общее собрание Нового Арзамаса от действительного секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание», написанное, по-видимому, на предпоследней неделе Великого поста (т. е. в середине марта 1817 г.), с напоминанием о близящейся Пасхе (ср.: Там же. Т. 11 (1). С. 643). Во «всепокорнейшем завывании» Жуковский порицал медлительность «арза-

масцев» в решении вопроса об издании поэмы Мещёвского: «Все ли вы в добром здравье, друзья мои? *Старушка* сударыня, не стаскалась ли ты с черным конем или с тем, кто сидел впереди? *Резвой Кот*, не сделалась ли у тебя вместо бархатной лапки триповая? *Чу*, не потерял ли ты чутья? *Пустынник*, не сделался ли ты Пустарнаком? *Громобой*, не убило ли тебя громом? *Кассандра*, не засиделась ли ты слишком долго на благовонном вместилище ежедневных извержений твоего духа и твоей материи? *Журка*, не залез ли ты носом в горло к какому-нибудь беседному волку и не отгрыз ли этот волк у тебя твоего члена, столь нужного для разных твоих прихотей? *Варвик*, не сделался ли ты Варварою, Варравою или варваром? *Арфа*, не сделалась ли ты Марфою, не вышла ли замуж за седого отрока и не пометала ли каких-нибудь беседных уродцев? Словом, не провалились ли вы к чёрту, почтенные друзья моего сердца?» (Там же. С. 52–53). Письмо Блудова содержит сообщение о собрании «Арзамаса» в воскресенье 29 апреля 1817 года, когда в нем было прочитано «завывание» Жуковского (ср. с датой письма Блудова, где говорилось о дне собрания: «третьего дня (только и не прежде)»). Об арзамасских прозвищах лиц, поименованных в этом письме, см. примеч. 11.

⁸ О письме Жуковского с расчетами по типографии см. примеч. 3.

⁹ Две Руки — А. Ф. Воейков, Асмодей — П. А. Вяземский.

¹⁰ Уже в марте Жуковский знал о помощи, оказанной Мещёвскому Вяземским, о чем писал ему: «Обнимаю тебя за Мещёвского! Ты — истинный арзамасец! Другие наши братья — петербургские бздуны. Я писал к ним не один раз, а десять раз, во всяком письме пишу одно и то же — никто ничего не делает!» (Там же. Т. 15. С. 539). В письме Блудова к Жуковскому называется та денежная сумма (500 руб.), которую Вяземский послал Мещёвскому в Оренбург. Он помогал ему и в дальнейшем, о чем свидетельствует письмо Жуковского к Вяземскому от 17 апреля 1818 г. (Там же. Т. 16. С. 16).

¹¹ Имеются в виду Александр и Николай Тургеневы (Эолова арфа и Варвик), Д. А. Кавелин (Пустынник), Д. В. Дашков (Чу!), Д. Н. Блудов (Кассандра), С. П. Жихарев (Громобой), М. Ф. Орлов (Рейн), Д. П. Северин (Резвый кот), С. С. Уваров (Старушка), Ф. Ф. Вигель (Ивиков журавль), А. Ф. Воейков (Две огромные руки), В. А. Жуковский (Светлана, он же Бессменный секретарь Арзамаса).

3.

10 октября 1817. Петербург.

<Адрес:> В. А. Жуковскому.

Из Петербурга 10 октября 1817.

Посылаю к тебе, друг милый, оставленные тобою здесь деньги. Надеюсь, что их получишь еще не слишком поздно, хотя отправленными позднее условленного между нами.¹ Право, в прошедший по-

недельник мне было не до того, чтобы думать об отправлении этих денег. Твоя кума Антуанета² нас очень напугала; у нее сделалась болезнь, которую сегодня доктор называет по-немецки: Friesel*, то есть летучею, или фальшивую, корью, но первые два дни почитал за настоящую корь или даже за scarlatinu. Мне тебя нечего уверять, что я очень беспокоился: беспокоюсь и теперь, ибо не смею еще поверить новому имени этой болезни, весьма похожей на корь; однако ж вижу, что жар уменьшился и что, следственно, можно полагать и уменьшение самой болезни.

Прости, любезная Светлана! желаю, чтобы твои деньги и мое письмо застали тебя здоровым, счастливым и чтобы все худые вести были так же ложны, как вести о мнимой опасной болезни Принцессы. Прости: здесь нет нового. С. О. глуп и постарел.³ Пиши. Соарзамасцы все здоровы.

Р. С. Тебе кланяется, между прочим, граф Румянцев, который недавно приехал: оба его открытия же ты, вероятно, узнаешь в Москве.⁴ Не забудь за меня от сердца поклониться всем московским арзамасцам, природным и избранным,⁵ также и посреднику нашему Булгакову.⁶ Получил ли Северин мою записку и знает ли, что я хотел заочно, но усердно поздравить его.

Б<лудов>

¹ Речь идет о деньгах, которые Жуковский оставил у Блудова в Петербурге, когда 4 октября 1817 г. отправился в Москву. В письме, написанном около 9 октября 1817 г. (еще до получения письма Блудова от 10 октября), он упрекал его за свою глупую «осторожность» в ответ на уговоры Блудова оставить деньги у него — из опасения нападения «разбойников»: «...а ты когда пришьлешь их ко мне, Бог ведает» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 548).

² Антуанеттой в семье Блудова звали его старшую дочь Антонину Дмитриевну Блудову (1813—1891). Именование ее Блудовым в письме к Жуковскому «твоей кумой» характеризовало, по-видимому, особость его общения с ней и могло быть связано с исключительным для четырехлетнего ребенка развитием — ср. в следующем письме, где Блудов передает Жуковскому слова своей Антуанетты: «Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твое участие». 17 апреля 1828 г. Жуковский писал о ней А. А. Воейковой: «Эта Антонина необыкновенное творение; но она слишком уже зрела по своим летам; ее ум в такой несоразмерности к ее летам, как и ее рост. <...> В Антонине множество гения...» (Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой. 1811—1829. Томск, 2020. С. 203, см. также примеч. на с. 391—392). Впоследствии, с 1835 г., она стала адресатом многочисленных писем Жуковского,

* просовидная сыпь, потница (нем.).

написанных в духе «арзамасской» галиматъи; А. Д. Блудова отвечала ему в той же стилистике (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 17 (1), в печати).

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Имеется в виду граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826), неутомимый коллекционер русских древностей. 1817 год был переломным в деятельности румянцевского кружка, когда на средства мецената стали проводиться фронтальные обследования документального архивно-библиотечного комплекса того или иного региона в ходе специальных археографических экспедиций. В 1817 г. началась Подмосковная археографическая экспедиция К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, принесшая сенсационные открытия, в числе которых был Сборник князя Святослава Ярославича 1073 г., являющийся вторым по древности памятником славяно-русской письменности и книжности (см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 69—73). Какие-то из этих находок имел в виду Блудов, когда писал Жуковскому о двух выдающихся открытиях Румянцева. Жуковский был представлен ему в мае 1815 г. В письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., сообщавшем новости о круге его петербургских знакомств, говорилось: «Два раза обедал я у канцлера, который очень хотел меня узнать и очень обласкал» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 367). В письме к Вяземскому от 27 января 1817 г. поэт писал о Румянцеве: он «показывает мне особенную и весьма драгоценную ласку» (Там же. С. 525).

⁵ Из числа избранных «арзамасцев» в Москве были в это момент кн. П. А. Вяземский (Асмодей), В. Л. Пушкин (Вот я вас), Д. П. Северин (Резвый кот). Природные «московские арзамасцы» — Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев.

⁶ Имеется в виду Александр Яковлевич Булгаков (1781—1863).

4.

29 ноября 1817. Петербург.

С.П.Б. Ноября 29-е 1817.

Милый, неоцененный друг мой, я получил твое письмо¹ и спешу отвечать несколькими словами. Сказать, что Антуанета моя, хотя еще не совсем здорова, но, слава Богу, кажется, вышла из опасности. Сказала, что поблагодарит тебя от всей души и от самой глубины души за твое участие. Оно послужило бы, смею думать, утешением для меня в несчастье; а теперь прибавляет новую сладость к чувству милости Небесной. Никогда, друг любезный, никогда твои прекрасные стихи не действовали на меня столь сильно, как полученная мною вчера несказанно красноречивая проза: в ней видна самая лучшая связь, та, которая существует между нашими сердцами и которая будет вечно существовать: кажется, в этом можно

ручаться за будущее. Прости, друг и брат! Надеюсь обнять тебя в Москве, но это удовольствие куплено будет дорогою ценою.² И ты еще говоришь о моем счастье или выгодах! Нет, милый друг, расстаться на несколько месяцев со всем тем, что драгоценно, и потом — несколько лет не видеть многих любезных людей и предметов; нет, этого нельзя назвать счастьем. А выгоды? Будут ли в раю, и не хочу знать. Я бы стал краснеть, если б выгоде пожертвовал хотя одною радостью сердца, хотя одною милою привычкою; нам можно и должно жертвовать, но только тому, что мы почитаем обязанностью. Мой отъезд в Лондон есть обязанность и требует жертв; потому я на всё согласился. Может быть, я ошибаюсь, но так думал, когда отвечал Северину; кажется, и теперь еще так же думаю. Впрочем, всякая жертва тому, что мы, хотя по ошибке, почитаем за долг, не есть ли уже изрядное дело? И тот вернее приносит плод. Например, я теперь же за свою награжден весьма приятным чувством, ибо она мне добавила случай хорошенько узнать добрую ревностную дружбу нашего Резвого Кота.³ Что касается до будущего, скажу еще раз с тобою:

Тут будет то, что должно быть,⁴

и с тобою же:

Всё в жизни к прекрасному средство.⁵

Дай Бог скорее и благополучнее дойти к сему прекрасному, то есть к *тихому* гробу; но дотоле, однако ж, дай Бог! пожить с тобою и с другими друзьями, *близкими к тебе*. Одному из них, Батюшкову, я показывал твои стихи: думаю, что они были некоторым утешением в его печали. Бедный болен, расстроен и потерял отца. Говорит, что этот родитель был похож на отца Жихарева, но, к несчастью, Батюшков не имеет Громобоевой философии.⁶

Еще раз прости, мой друг не только любезный, но и полезный, истинно полезный для ума и души; я в эту минуту чувствую себя лучшим и всякий раз в беседе с тобою, писать к тебе, даже об тебе думать, производит на меня такое действие. Прости, обними всех наших. Ивану Ивановичу⁷ мое почтение.

Б<лудов>.

¹ Письмо Жуковского, на которое отвечает Блудов, неизвестно.

² Выздоровление дочери позволило Блудову вскоре приехать с семьей в Москву, где он оказался не ранее 10 декабря 1817 г. и где жил до апреля 1818 г. Переезд был связан с его подготовкой к новой должности:

Блудов был определен советником, а затем поверенным русского посольства в Лондоне, где служил в 1818—1820 гг. Далее он пишет о расставании с друзьями, которого требует от него новое назначение.

³ Речь идет о Д. П. Северине, который способствовал получению Блудовым новой должности.

⁴ Блудов с неточностью цитирует послание Жуковского «Стихи, сочиненные в день моего рождения. К моей лире и к друзьям моим» (1803) — ср.: «Пусть будет то, что должно быть!» (Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 58).

⁵ Цитата из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) — ср.: «Все в жизни к великому средство»; вариант, приведенный Блудовым (с заменой «к прекрасному»), использовался и Жуковским, и его дружеским окружением как своего рода жизненный девиз (Там же. С. 384, 729). Толкование «прекрасного» в письме Блудова, возможно, является развитием мысли, высказанной Жуковским в письме к Карамзину от 8 ноября 1817 г., написанном по поводу смерти сына Вяземского и адресованном в Петербург: «Кто скажет: счастье цель ее, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. <...> Бог дает нам одни материалы — наш долг употреблять их добрым образом к лучшему! Что бы ни было этот материал: горе или радость, это знает тот, кто выдает его! А нам только принимать и обрабатывать! Всё в жизни к прекрасному средство! Но прекрасное и счастье — не одно и то же!» (Там же. Т. 16. С. 555). Мысли Жуковского, сводившей «прекрасное» к «действию нравственному», Блудов придал строго религиозный смысл, упомянув о «тихом гробе», к которому движется человеческая жизнь. Это подтверждает воспоминания Вигеля, восхищавшегося смелостью и независимостью Блудова: в то время, когда «неверие почиталось неприменимым условием просвещения», а целомудрие — «верным признаком его слабости», он не скрывал ни своих убеждений, ни своих чувств (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 2. С. 47; см. также: Ружицкая И. В. «Просвещенная бюрократия» (1800—1860-е гг.). М., 2009. С. 112).

⁶ Речь идет о переживаниях К. Н. Батюшкова в связи со смертью его отца Николая Львовича (1755—1817). Блудов сравнивает Батюшкова с С. П. Жихаревым, который, по-видимому, немногим ранее или в том же году также потерял отца: Петр Степанович Жихарев (род. 1755), секунд-майор в отставке, помещик Рязанской и Тамбовской губ.; год его смерти неизвестен, но на основании свидетельства в письме Блудова можно считать, что это было не позднее 1817 г. «Громобоевой философией» Блудов называет жизнелюбие С. П. Жихарева, которым Батюшков, действительно, не обладал.

⁷ И. И. Дмитриев.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023